МАКСИМ ВЕРЕСОВ

Два имени в одной строке

Максим Вересов

Два имени в одной строке

«Автор»
2026

Вересов М.

Два имени в одной строке / М. Вересов — «Автор», 2026

Анна Коренева приходит в архив Белояра, чтобы вписать дочь в домовую книгу. Трамвайный мастер Матвей Ратников просит обновить выписку для работы. Архивистка Вера Ланская кладёт их документы рядом и видит, что у двух живых людей один номер рождения.Через шесть дней городская Книга закроется. Запись Матвея погаснет, и по городским книгам он лишится права на дом и работу. Анне тоже есть что терять: по бумагам она уже освободила квартиру, в которой до сих пор живёт с дочерью.След ведёт к спискам эвакуированных после прорыва дамбы. Чтобы восстановить обе записи, Вере придётся довериться Матвею, который рассказал ей о своём прошлом далеко не всё, и предъявить опись, под которой стоит её собственная подпись.

© Вересов М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Два имени 5
Глава 2. Шесть вечеров 10
Глава 3. Высокая вода 15
Г 20
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Два имени в одной строке

Глава 1. Два имени

Девочка у моего окошка держала в руках новый ключ. В пазу бородки застряла стружка. Она ковыряла её ногтем, пока мать объясняла, почему домовая книга сегодня отказалась принять их обеих.

— Меня приняла, — поправила девочка. — Написала «Даша». Потом стёрла.

— Дату рождения стёрла, — сказала мать. — Имя я написала сама.

Она развернула выписку о рождении, придержала пальцем угол и протолкнула под стекло. Бумага пахла клеем. На обороте были полоски тонкой ткани, наклеенные там, где сгиб начал расходиться.

— Книга у вас в доме? — спросила я.

— У управителя. Мы к нему в половине восьмого пришли. Я взяла новый ключ и принесла документы, как он просил. Ей восемь, давно пора было вписать. Пока маленькая была, обходились моей карточкой. Теперь сама в школу ходит. И ключ свой нужен, и имя на двери.

Девочка посмотрела на ключ. Кольцо в ключ ещё не продели. Даша сжала его в кулаке, наружу торчала бородка.

— Управитель отказ написал?

Женщина вынула из сумки другой листок. Листок оторвали от книги по линейке. К краю прилипла розовая бумажная бахрома. На первой строке стояла фамилия Кореневой. На второй — время. Дальше другой рукой приписали: «Родительская запись требует сверки». Я прочитала вслух. Женщина кивнула, хотя, судя по потёртости на сгибе, знала эту фразу наизусть.

— Можно сначала узнать ваше имя?

— Анна. Анна Ильинична Коренева.

Девочка тут же назвала своё. Анна дотронулась до её плеча и сказала, чтобы та подождала на лавке. Девочка села у стены, поставила перед собой сумку и опустила в неё ключ. Через минуту достала снова.

Я вынула чистый бланк запроса. Чаще всего при таких отказах выяснялось, что кто-то взял номер книжки за номер рождения. Первый печатали на обложке, второй писали рядом с именем. Если управитель спешил, он смотрел на обложку. Я уже исправляла за ним две такие записи с начала месяца и знала, каким движением он разворачивал книжку, чтобы показать мне её печать.

Здесь оба номера стояли на положенных местах.

— До этого вашими документами пользовались? — спросила я.

— В пятницу получила на них посылку. До пятницы расписывалась за домовой взнос. Могу квитанцию показать. Только я её отдала, когда делали ключ.

Я посмотрела на дату выдачи выписки. Её составляли двадцать девять лет назад. В том году в нижнем районе прорвало дамбу. Из старых книг, оставшихся после воды, половину пришлось переплетать заново. У меня в шкафу до сих пор лежали листы с полоской ила вдоль нижнего края. Если их долго держать под лампой, от бумаги начинало пахнуть берегом.

— А новую выписку после этого брали?

— Зачем? Эта целая. Угол подклеила. Я переплётчица.

Она сказала это так, будто я собиралась обидеть вещь, которую она починила. Я подложила под выписку картон, чтобы сгиб не расходился, и поставила её на край стола. За моей спиной переписчица уронила стопку нарядов. Я услышала, как она собирает их по одному. В коридоре к тому времени стояли пятеро. Один вынул карманные часы, раскрыл и держал на ладони, чтобы все могли видеть, сколько ждут.

— Анна Ильинична, я сниму выписку с районной записи. Это займёт несколько минут. Подождёте здесь?

— Подожду. Только скажите, что будет с ключом. Управитель велел вернуть до вечера, если не подтвердят.

Девочка перестала ковырять стружку. Я подумала, что следовало бы отвечать взрослой. Вместо этого посмотрела на Дашу.

— Ключ уже сделали. Сегодня его никто в книгу не вписал. Остальное я пока проверяю.

Даша медленно разжала кулак. На ладони остался короткий красный след от бородки.

Я ушла за районной книгой. Её держали в нижнем шкафу. Страницы возле нужного года были тоньше других. Когда книгу переплетали после воды, с них срезали размокшие края. У Анны Кореневой нашлась строка с датой рождения, именами родителей и адресом родильного пункта. Номер совпал. С правой стороны страницы пустовало место для отметок. Ни исправлений, ни выдачи новой выписки.

Я успела отнести книгу к столу, когда мужчина с часами дошёл до окошка и подал мне удостоверение. На обложке под резинкой лежал сложенный наряд.

— Из депо, — сказал он. — Мне нужна свежая выписка, сегодня. Если не успею до развода, у стрелки поставят человека, который внизу никогда не работал.

— Имя?

Он подождал, пока я раскрою удостоверение.

— Матвей Ратников.

В книжке под фотографией стояло клеймо трамвайных мастерских. Дату рождения вписали шариковой ручкой. Регистрационный номер тоже. Последняя цифра пришлась на дырочку в бумаге. Я вынула книжку из-под резинки и поднесла ближе. Шестёрку можно было принять за восьмёрку, если смотреть сверху. Я перевернула листок и прижала к стеклу. Стало видно, что это шестёрка.

Я только что переписала такую же шестёрку с бумаги Анны. Остальные цифры шли в том же порядке.

— Ваша прежняя выписка где?

— С собой. На проходной сказали, что не проходит сверку. Я думал, опять печать стёрлась.

Он протянул свёрнутый лист. Я попросила положить его на стойку и развернуть. Матвей прижал два угла руками. Пальцы у него были в мелких порезах. На большом виднелась чёрная полоска, которую он, должно быть, оттирал перед приходом. Бумага расправилась не сразу. На обороте остались четыре прямоугольных пятна клея: выписку когда-то крепили к более плотному листу.

Дата в выписке отличалась от даты Анны. Имя, отчество и место рождения тоже. Номер был тот же.

— Этим листом вы давно пользуетесь?

— С тех пор как отец убрал его из семейной папки. Лет пятнадцать. Новый взять так и не собрался.

— Отец делал выписку?

— Получал за меня. Я на обороте расписался, когда он отдал её мне. А что?

Я подняла глаза. На лавке Анна посадила Дашу рядом с собой и снимала с её пальца заусенец. Даша смотрела в нашу сторону. На шее у неё висел шнурок, на который, видимо, собирались надеть ключ.

— Подождите здесь, пожалуйста, — сказала я Матвею.

Он сложил наряд. Удостоверение я всё ещё держала. Матвей посмотрел на книжку, потом на меня и подвинул к окошку выписку целиком.

— Если надо, оставьте обе. Только скажите, сколько времени.

Я сказала, что пока не знаю. Он убрал часы, которые до этого снова вынул из кармана.

Для сверки двух выписок требовались оба экземпляра и живые заявители. Я могла посмотреть второе дело и отправить Матвея ждать ответа от депо. Тогда до конца смены Анна ушла бы домой с ключом, а он, возможно, нашёл бы, кто подменит его у стрелки. Наутро на столе лежали бы те же два листа. А людей пришлось бы разыскивать по всему городу. Я закрыла окошко на щеколду и попросила переписчицу принять очередь.

За столом сверки стояло три стула. Я подвинула к нему четвёртый, чтобы Даша могла сесть, если захочет. Она осталась рядом с матерью. Ключ теперь висел у неё на шее. Анна, заметив, что я смотрю, сказала, что сама продела шнурок. Возвращать его раньше времени она не собиралась.

Я показала им сначала одну выписку, потом другую. Матвей наклонился к столу, оставив Анне место рядом. Анна посмотрела на его имя. Прочла про себя отчество. Потом перевела взгляд на меня.

— Так чей это номер?

— Сейчас он стоит в обеих записях. Важно узнать, когда внесли каждую.

— Мой раньше, — сказала она. — Мне выписку выдали раньше.

Я положила палец рядом с полем для даты.

— Это день выдачи. День внесения указан отдельно. Если вам выдали выписку позже, всё равно надо смотреть дату самой записи.

Матвей перевернул свой лист. Там была только его подростковая подпись. Он потёр её пальцем, как будто под ней могло проступить что-нибудь ещё.

— Папку из депо привезти? — спросил он. — У них мои данные ещё с ученичества.

— Сначала проверим эти два листа.

Я объяснила, что можно отдельно запросить копии и прийти позже. Если предъявить обе бумаги сейчас, Книга зарегистрирует спор. Тогда у нас будет срок и возможность обратиться к центральному регистратору. Анна спросила, поможет ли это вписать Дашу сегодня. Я сказала, что до решения — вряд ли. Матвей спросил, смогу ли я после сверки выдать ему то, за чем он пришёл. Я сказала, что свежую выписку, скорее всего, придётся отложить. Он посмотрел на наряд. Верхняя строка выглядывала из сгиба. В ней стояло «Нижняя стрелка».

— Как вы узнаете, что выписки настоящие? — спросила Даша.

Она сказала это тихо, и я не сразу поняла, ко мне ли она обращается.

— Посмотрю, откуда пришёл оттиск. У каждого действующего листа есть свой след в Книге.

— А если один нарисовали?

— Тогда второй оттиск не появится.

Анна взяла свою выписку за подклеенный угол. Я подумала, что она сейчас свернёт её и уберёт. Вместо этого Анна поставила лист передо мной и придержала, пока я не подложила картон.

— Давайте, — сказала она. — Я уже два раза за утро вынимала эту бумагу. Третий раз хочу понять, для чего.

Матвей молча развернул свою до конца. На сгибе поперёк номера бумага побелела. Он положил ладонь рядом с краем и дождался, пока я возьму оба листа.

Медная рамка для сверки лежала в ящике вместе с чистыми карточками. Я вынула её, раздвинула две створки и уложила выписки рядом. Под каждой створкой было по узкому окошку. В одном виднелся номер Анны, в другом — Матвея. Даша подошла ближе, пока мать не удержала её за локоть. Я опустила рычаг. Оттиска, как правило, ждали столько, сколько нужно было, чтобы вписать в карточку фамилию.

Я написала «Коренева» и успела вывести первую букву отчества. Под левой створкой появилась чёрная черта. Она шла вдоль номера и была такой же узкой, как всегда. Под правой

сначала ничего не было. Матвей выпрямился. Я решила, что он сейчас спросит, можно ли ему идти, но он смотрел на руку Анны. Та стиснула край стола так, что ткань на подклеенном углу оторвалась ещё на нитку.

Под второй створкой появилась такая же черта.

Обе линии дошли до середины рамки, соединились и тут же разошлись. Между ними остался тонкий просвет. В комнате никто не заговорил. Даша тронула ключ на груди, и он стукнул о край стола. От этого простого звука я наконец подняла рычаг.

Я видела раздвоенный оттиск один раз, на учебном листе. Его тогда поставили заранее, а нам велели разнести бумаги по разным столам, чтобы не перепутать старшую запись с младшей. В настоящем деле оттиски на глаз ничем друг от друга не отличались. Кто из этих людей пришёл раньше, кто позже, на чьей бумаге был лучше виден номер — всё это больше не имело значения. Нужны были даты, в которые Книга приняла записи.

В районном журнале появилось извещение. Переписчица принесла его не сразу. Ей пришлось отцепить лист от соседнего, потому что края ещё держались один за другой. Она положила его передо мной и задержалась, увидев два имени. Я попросила принести мне календарь закрытия Книги.

— Это что значит? — спросила Анна.

Я перевернула извещение, чтобы она могла читать вместе со мной. Под фамилиями стоял один номер. Рядом с её именем — «старшая». Рядом с Матвеевым — «младшая». Внизу была дата общего закрытия. Я проверила по календарю. Шестой вечер, до последнего удара башенных часов.

— До закрытия обе записи действуют с ограничениями, — сказала я. — Нового адреса, пропуска или записи ребёнка по этому номеру не проведут. То, что уже оформлено, пока остаётся. Если регистратор успеет разделить номер, у каждого будет свой.

Анна дочитала последнюю строку. Возле неё не было цифр, только четыре слова мелким шрифтом.

— А если не успеет?

Я не стала отвечать, пока Матвей сам не прочёл. Он положил наряд на стол, словно только теперь заметил, что всё ещё его держит.

— Моя погаснет, — сказал он.

— Да. Книга сохранит старшую.

— Я вечером приду домой, открою свою дверь. Что будет наутро?

— Ключ останется у вас. Но по вашему удостоверению никто уже не подтвердит, что вы живёте по этому адресу. И в депо не смогут провести работу или пропуск от вашего имени. В центральном архиве нам скажут точно, какие записи от него зависят.

Матвей кивнул один раз. Он перевернул наряд и написал на обороте короткую записку. Передал переписчице, попросил отдать посыльному из депо, если зайдёт до развода. Потом спросил, может ли позвонить Соне Гребневой. Переписчица повела его к телефону.

Анна дождалась, пока за ними прикроется дверь.

— Мне достаточно подождать шесть дней? — спросила она.

Я посмотрела на Дашу. Девочка сидела на четвёртом стуле, поставив ступни на перекладину. Ключ лёг ей на колени. Она водила по нему пальцем, стараясь не смотреть ни на мать, ни на меня.

— Ваш номер должен остаться, — сказала я. — Почему управитель не смог вписать дочь, теперь понятно. Но я бы всё равно взяла у него отметку, что ключ надо вернуть, и по какому основанию. Пусть пишет сам.

Анна сняла руку со стола. Под ней отпечатались четыре светлых полукруга.

— Хорошо. Я возьму. А куда теперь?

— К Нине Стреж, в центральный архив. Я пойду с вами.

Анна попросила меня выдать ей бумагу для управителя. Она хотела вернуться с Дашей домой и забрать из конторы второй ключ, пока тот не передумал. Я достала бланк. В графе «Установлено» было место на одну строку. Если написать «Старшая запись подтверждена», управитель, скорее всего, примет бумагу. В соседней графе требовалось назвать номер. Тот самый, которым до закрытия пользовался ещё один человек.

— Что вы сейчас напишете? — спросила Анна.

Я показала ей бланк.

— Могу подтвердить, что вы обе сюда приходили, предъявили документы и что запись о Даше отложена до сверки. Так у вас будет бумага о причине отказа.

— А про квартиру?

— У нас перед глазами книга рождений. В ней нет квартиры.

Анна достала из сумки кожаную книжечку. На корешке разошлась строчка. Под обложкой лежал лист, сложенный вчетверо. Она расправила его, и я увидела, что это копия домовой записи. В строке «Въехала» было её имя. В соседней графе мелко пометили: «С несовершеннолетним ребёнком». Дашу упомянули, но имени и отдельного номера у неё не было.

— Вот из-за этого она ключ одна брать не может, — сказала Анна. — Если я задерживаюсь, ей приходится у управителя на лавке сидеть. Он хороший человек, когда никуда не спешит. А ему всегда куда-нибудь надо.

Даша придвинула стул. Я думала, что она захочет посмотреть на своё место в книжке, но она потянулась к бланку.

— А вы можете написать «Дарья», а не «несовершеннолетний»?

Я вписала её полное имя. Она прочла и попросила мать посмотреть. Анна посмотрела. Потом убрала домовую запись в книжечку и подтолкнула её ко мне на полпальца.

— Если понадобится, я принесу оригинал.

— Он у управителя?

— У него. Только за последнее время он два раза носил книгу в Береговой фонд. Там сверяют, кто останется после переноса дамбы. Сказал, что старые копии велели вернуть. Свою я ему пока не дала.

Я дописала основание отказа и поставила подпись. Анна взяла бланк, но складывать его не стала. Подождала, пока высохнут чернила. Я поймала себя на том, что всё это время смотрю на её книжечку. В верхнем углу обложки стоял номер дома. Он был вписан поверх другого, зачёркнутого так аккуратно, что его тоже можно было прочесть.

Я перевернула выписку Матвея, пока он говорил по телефону. Из-под одного пятна клея проступали две машинописные строки. В обычной книжке там стояло название родильного пункта. Здесь читалось «Временный учёт». Ниже — «Береговой приёмный пункт, дом 4».

Я поискала адрес в районном указателе. Напротив четвёртого дома стояла дата исключения. Здание сгорело задолго до того, как Матвей получил удостоверение, а его временный список передали в фонд переселения. В графе нового места хранения был прочерк. Я переписала адрес и закрыла указатель.Для Книги у Матвея уже почти тридцать лет не менялось основание, по которому город признал его живущим здесь. А где искать первую бумагу, из которой выросла эта запись, город уже не знал.

Матвей вернулся и сказал, что Соня поставит у стрелки второго мастера до полудня. Анна поправила дочери шнурок, чтобы ключ не тёр шею. Я выдала им заверенные отметки о сверке, вернула обе выписки и сложила извещение с новым адресным листком. Из приёмной мы вышли вместе. У двери Матвей задержался, пока Даша сама справилась с тугой ручкой. На улице он подождал ещё, пока Анна поправляла дочери воротник, и только потом спросил меня, далеко ли идти до Нины.

Глава 2. Шесть вечеров

У центрального архива Матвей задержался перед лестницей. Снял часы, завёл их и сверил с башенными часами. Я подождала, пока он уберёт цепочку под куртку.

— У вас на сколько спешат? — спросила я.

— На две минуты. Я свои нарочно ставлю вперёд.

Из-под широкой двери тянуло теплом. Даша потянула за ручку, но створка не поддалась. Анна окликнула её и показала на боковой вход. Даша догнала нас, прижав ключ к груди, чтобы не бился о пуговицы.

У Нины Стреж на столе лежали три чёрных футляра. Она вынимала из них печати и проверяла, не затекли ли чернила под края. У одной пришлось протереть ручку. Пока она искала тряпку, я разложила районное извещение и наши отметки о сверке. Нина дочитала первую строку, отложила печать и выдвинула ящик с карточками.

— Вы вместе пришли? — спросила она.

— По одному, — сказала Анна. — Вышли вместе.

Нина достала пустую карточку и записала оба имени. Затем попросила каждого положить перед собой выписку. Даша сняла со стула толстую книгу, чтобы сесть. Нина протянула руку и приняла книгу у неё так поспешно, что я подумала, будто та была открыта. На обложке оказалось выведено белой краской: «Закрытые случаи».

— Это мне как раз понадобится, — сказала Нина.

Она поставила книгу ребром и поддела ногтем тесёмку. Между страницами лежала полоска картона. Нина открыла книгу на закладке и повернула ко мне. Лист был разделён на две половины. Слева значилось, что в прошлом году один городской номер подтвердили, а второй погасили. Справа подшили бумаги, поступившие уже после закрытия. Я увидела отказ в выдаче жалованья, заявление от владельца мастерской и записку о том, что человек просит вернуть ему имя на карточке очереди за жильём. В верхней части записки стояла фамилия, внизу писарь зачеркнул ту же фамилию.

Матвей подтянул стул ближе к столу.

— Он живой был? — спросил он.

— Живой. Сам приходил за карточкой. Вот его подпись на заявлении.

Нина прикрыла бумагой чужое имя, оставив открытыми дату и графу с причиной отказа.

— Что сделали в мастерской? — спросил Матвей.

— Мастер разрешил доработать неделю и выдал деньги из своего кармана. В ведомость внести не смог. Если бы у того человека случилось что-нибудь на работе, по бумагам он бы там вообще не работал.

Матвей прочёл отказ ещё раз. Я видела, как его взгляд остановился на дате. В прошлом году он, вероятно, открывал депо в это же время, записывал смены и подписывал наряды, не думая о том, что можно прийти на работу и не суметь внести себя в ведомость.

— Он номер потом вернул? — спросила Анна.

— Для этого и храним заявление. Оно ещё на рассмотрении. Восстановить погашенную запись можно. Только сперва придётся заново доказать всё то, для чего годами хватало одной карточки. За месяцы ожидания человек успевает потерять место в очереди и работу.

— У меня в извещении написано, что моя запись старшая. — Анна коснулась собственной выписки. — Со мной это не случится?

— Ваша запись останется, если дождётесь закрытия. До закрытия дочь вписать всё равно не сможете. И с жильём я бы проверила отдельно. У дома есть своя книга, городская запись только подтверждает, кто в неё обращается.

Анна посмотрела на Дашу. Та устроилась на стуле, подобрав ноги, чтобы не задевать ногами подножку. Ключ висел у неё на шее.

— Тогда запишите, что я пришла из-за неё, — сказала Анна. — Я не хочу потом объяснять, почему принесла выписку и оказалось, что пришла отнимать чужую.

Нина подтянула к себе карточку и записала её слова. Матвей подождал, пока перо перестанет скрипеть.

— А если я возьму новый номер сейчас? — спросил он.

— По обычной процедуре номер меняют вместе с записью. Если оформите совершенно новую, город будет считать, что прежние документы принадлежали другому человеку. Придётся доказать, что жильё и стаж должны перейти к вам. В вашем случае разумнее разделять то, что уже есть. Книга проставит два номера там, где прежде стоял один, и отметит переход в связанных реестрах.

— Что вам для этого принести?

Нина взяла чистый лист. Провела две линии от верхнего края к середине, оставив между ними место.

— По каждому из вас нужно показать, откуда появилась запись. Выписку вы предъявили. Теперь нужны бумаги, по которым её выдали. Для Анны — запись при рождении и то, что связывает её с нынешними документами. Для вас — первый учёт и переход от него к нынешнему имени. В одном случае хватит двух листов, в другом придётся собрать больше. Все бумаги должны относиться к тому же человеку. Одна общая цифра здесь, как вы уже видели, почти ничего не доказывает.

Я положила перед ней выписанный адрес. Нина прочла его, отодвинула карточки и подошла к высокому шкафу за своим столом. В верхнем отделении висели ключи. Она выбрала один с выцветшей бумажной биркой и открыла нижнюю дверцу.

Указатели лежали в тонких папках по годам. Нина нашла год прорыва дамбы и сняла с полки одну, у которой картон был обрезан по краю. Внутри на длинном листе шли учреждения, принимавшие людей с воды. Против Берегового приёмного пункта стояло шесть маршрутов. Последний был зачёркнут, рядом вписали «перенаправлен».

— Адрес вы знаете, — сказала Нина. — Что именно оттуда вывезли, здесь не сказано. Под этим номером вели и людей, и имущество. Когда закрывали пункт, часть бумаг передали через депо. До места приёма они могли доехать вместе, а разошлись уже на выгрузке.

— Фонд переселения, — сказала я. — Так стоит в районном указателе.

— Было два фонда. Один выдавал пособия, другой разбирал, кому достанутся комнаты. Через год их объединили. Запрос на все бумаги о переселении может лежать на столе месяц. Если назовёте серию, дату и путь передачи, проверим, где должен быть именно ваш лист.

Матвей попросил показать маршруты. Нина развернула папку. Он подвинул лампу и повёл пальцем вдоль последней строки, не касаясь бумаги.

— Здесь сокращение для Нижнего депо. Квартальный маршрут через площадь вели в другом журнале. Мы вчера как раз разбирали шкаф с книгами по вагонам.

— В них можно узнать, куда отвезли груз?

— Если шёл служебным вагоном. Там писали, где взяли, сколько ящиков и кто принял. По конечной могу посмотреть, какой журнал поднимать.

Он отодвинул лампу на прежнее место. Я запомнила, что он назвал журнал, даже не спросив, какой номер стоял у маршрута.

Нина достала бланк совместного заявления. В верхней части стояли два прямоугольника для подписей. Она положила бланк между Анной и Матвеем.

— Возьмите. Заполнять при мне сейчас не обязательно. Если подаёте вместе, вы оба можете увидеть каждую бумагу, на которой будет основано решение. Любой может возразить, если в ней чужая дата или другой адрес. Обоих вызову лично.

Матвей взял бланк и посмотрел, что потребуется приложить. В списке значились также согласия на запросы в связанные реестры. Он положил лист перед собой и вынул карандаш.

— Если я подпишу один, вы начнёте проверку?

— Ваши бумаги я приму, — сказала Нина. — Для разделения нужно проверить обе цепи. Анне всё равно придётся сообщить, что её запись вошла в разбор. Мы можем сделать это через посыльного, можем вручить ей уведомление сейчас.

Матвей посмотрел на Анну. Она убрала руку с края стола и положила её себе на колено. Я видела, что Даша смотрит на карандаш. Матвей тоже заметил. Он перевернул бланк чистым краем к себе и написал время окончания своей смены.

— Это чтобы вам не искать меня у стрелки, — сказал он. — Если понадобится уведомление, я сам приду.

Он отдал карандаш Даше. Она тут же стала раскрашивать бородку ключа на своей бумажке, пока Анна читала то, что он написал.

— Почему это случилось именно сегодня? — спросила Анна. — Управитель говорил, что прошлую неделю готовил книгу к сверке. Я ему каждый месяц расписываюсь одной и той же рукой.

— Сегодня началась общая сверка перед закрытием, — сказала Нина. — Реестры проверяют новые обращения по тому, что уже было в центральной Книге. В доме и на проходной уже получили отказ. До предъявления обоих листов район мог подтвердить только отказ. Вы принесли выписки вместе, и теперь у нас есть спор с двумя именами.

Она подтянула к себе карточку, дописала время и поставила рядом маленький оттиск. От этого звука Даша перестала штриховать ключ и подняла голову.

Анна перевернула бланк. На обороте мелким шрифтом шли графы для приложений. Она вернула его на стол.

— Сначала посмотрю, что у нас с домовой книгой, — сказала она. — Я сегодня ещё не была дома.

Нина кивнула. Я вложила бланк в свою папку. Извещение оставила у Нины для регистрации, взамен получила копию с распиской в верхнем углу. Матвей попросил назвать точный час закрытия. Нина сверилась с башенным календарём. В шестой вечер Книгу закрывали в одиннадцать. Она обвела цифру и подала ему листок.

— Приходите с доказательствами раньше, — сказала она. — Подтверждение тоже занимает время.

У двери Даша спросила, может ли Нина поставить ей печать на ключ. Нина сказала, что в её футлярах нет печати для металла. Даша подумала и спросила, как тогда дома узнают, что ключ её.

— Вы его у управителя взяли?

— Мама взяла. Я выбрала.

— Значит, пока вы помните, какой выбрали. Про книгу поговорим, когда у вашей мамы будет решение.

Даша надела шнурок поверх пальто, чтобы ключ было видно, и пошла к лестнице первой.

Внизу Анна сказала, что вернётся домой и добьётся письменного ответа про ключ. Мы договорились встретиться после полудня в районном архиве. Матвей посмотрел на часы. До конца развода оставалось меньше получаса. Я собиралась идти в район, но свернула с ним к депо. Мне хотелось увидеть, где впервые отказались принять его номер.

На проходной висела табличка с номерами бригад. Матвей перевернул свою дощечку, и под ней открылась вчерашняя дата. Сторож за стеклом увидел его и поднял защёлку. В руках у него была тонкая книжка с отрывными пропусками.

— Старый работает, — сказал он. — Для обычного двора. Сменный на Нижнюю стрелку я с утра три раза попробовал, всё одно.

— Давайте ещё раз, — сказал Матвей.

Сторож оторвал чистый лист, записал номер из удостоверения и подержал бумагу у окошка для штампа. В верхнем углу появился оттиск депо. В нижнем, где пропуск должен был связать номер с назначенной сменой, проступили две короткие полоски. Сторож подождал, пока они высохнут, и показал лист Матвею.

— Смотрите. Если я вас по нему проведу, там выход отметят, а входа в книге нет. Потом поднимать весь маршрут.

Матвей взял пропуск и посмотрел на нижний край. Вернул.

— Кто у стрелки?

— Соня поставила Седых. Он знает верх, а там вчера до ночи кабель тянули.

Матвей подошёл к телефону на стене. Снял трубку и попросил соединить с диспетчерской. Соне сказал, что пока останется во дворе и будет готовить инструмент. Потом попросил позвать Седых. Я слышала, как он объясняет, где новый кабель выходит из земли и какую крышку пока не трогать. На другом конце его дважды перебили. Матвей каждый раз начинал сначала, медленнее. На третий раз его дослушали, и он положил трубку.

— Вчера я сам этот кабель укладывал, — сказал он мне. — Сегодня могу стоять у ограды и рассказывать, как он лежит.

Из двора вышел парень с ящиком инструментов. Увидев Матвея, он положил ящик на подоконник и попросил проверить, тот ли ключ ему дали. Матвей проверил. Показал, за какую часть держать, чтобы не сорвать гайку. Парень попробовал на пустом креплении у стены, потом взял ящик обеими руками и ушёл. На старом пропуске Матвея между тем горел обычный оттиск. Двор по-прежнему был ему доступен. До стрелки он мог дойти пешком за пять минут, но в книге смен уже стояло другое имя.

— Я принесу журнал к обеду, — сказал он. — Если нужная книга у нас, найдём конечную.

— Я смогу прийти и посмотреть её сама?

— Смогли бы, если оформлю вам пропуск во двор. Сегодня его лучше попросить у Сони.

Он улыбнулся, словно хотел проверить, как звучит это «лучше» для человека, у которого утром было достаточно ключей. Я сказала, что приду к Соне. Матвей придержал дверь, пока я проходила. У стекла уже стояла очередь на сменные пропуска. Сторож успел убрать испорченный бланк в ящик, и из проходной больше не было видно, какой именно номер не прошёл.

К полудню я вернулась в район. Анна стояла у стойки одна. Дашин ключ лежал у неё на ладони. Я подумала, что управитель потребовал его вернуть, но Анна тут же убрала ключ в карман.

— Дашу к соседке отправила, — сказала она. — С этим пусть пока дома побудет.

Она подала мне белый конверт. На нём стояла печать Берегового фонда. Вместо почтового штемпеля — подпись управителя и время вручения. Конверт доставили утром, когда Анна с дочерью ходили в архив. Управитель оставил его у соседки вместе с просьбой зайти в контору до закрытия.

На первом листе уведомляли о сверке квартир перед переносом дамбы. Адрес был Аннин. В строке для явки требовали принести документы и запасные ключи. Она показала ногтем на слово «запасные».

— Я сегодня один такой получила. Он знал, что утром я его возьму. Почему им понадобилось, чтобы я принесла и этот?

Я дочитала до нижнего края. Там мелко напечатали, что рассмотрение возражений заканчивается в день общего закрытия Книги. В списке приложений значилась выписка из домовой книги. В конверте её не было.

— Вам раньше присылали что-нибудь с этим сроком? — спросила я.

— Нет. Соседям осенью раздавали бумаги про обмер комнат. Я тогда сама впускала человека с рулеткой. Он сказал, меня на месте нашёл, подпись есть.

Анна начала доставать бумаги из карманов. Домовую книжечку, справку Веры, расписку за ключ. Последнюю ей выдали на мягкой бумаге. Сумма за работу слесаря и стоимость заготовки шли порознь. Я перевернула её и увидела имя Анны ещё раз, написанное рукой управителя. Он вписал не только номер дома, но и квартиру. Значит, утром он принимал от неё деньги как от жильца. В конверте при этом просили предъявить доказательства, что она имеет право войти в ту же квартиру.

— Он может забрать ключ? — спросила она.

— По этой бумаге от вас требуют принести его на сверку. Здесь не написано, что вы обязаны оставить его в конторе. Я бы спросила, с какой выпиской он сверяет.

Анна убрала расписку и опять достала её, будто хотела убедиться, что я прочла правильную строку.

— Ключ только один заказала, — сказала она. — Хотела, чтобы Даша после уроков больше не бегала ко мне в мастерскую. У нас в цехе горячий клей, за столами ножи. Ей туда вообще нельзя. Мастер закрывает глаза, пока она сидит у двери. Сегодня обещала ей, что пойдёт домой сама.

Из приёмной постучали по стеклу. Я попросила переписчицу принять следующего посетителя. Анна осталась рядом. Она разложила бумаги в том порядке, в котором получала их сегодня, и спросила, можно ли оставить конверт у меня, а уведомление забрать. Мы сняли копию целиком, с подписью управителя. Оригинал она сложила обратно в конверт. Копию я подписала и оставила у себя.

Я перевернула лист. На обороте проступили две строчки, продавленные с листа, который заполняли поверх этого. Разобрать можно было только последние буквы. Я придвинула лампу, но Анна уже сложила конверт и смотрела на мою папку.

— У вас ещё тот бланк, где мы вдвоём расписываемся?

Я достала его. Анна прочла заголовок, затем графы на обороте. Подписывать пока не стала. Попросила, чтобы я оставила ей пустую копию и дала переписать срок из извещения.

Я сняла копию и положила рядом листок Нины. Анна списала время, сложила оба листа вместе и только потом сказала, что вернётся к управителю. Ей хотелось увидеть, какая именно выписка лежала у него на столе, когда он принял конверт. Мне оставалось идти в депо. Там Матвей обещал найти книгу, по которой старый приёмный пункт когда-то вывозил людей и ящики. С утра каждый из них пришёл за одной бумажкой. К полудню мы уже знали, почему шести вечеров может не хватить обоим.

Глава 3. Высокая вода

Соня Гребнева выписала мне пропуск на обороте старого расписания. В графе «Куда» написала «Архив депо», в графе «К кому» — своё имя. Прежде чем поставить штамп, посмотрела на Матвея.

— Если куда ещё поведёшь, сперва мне скажи. За неё я отвечаю.

— Нам в архив, — сказал он.

— Вот туда и идите. Заодно скажи ей, сколько у нас здесь архивов.

Матвей протянул мне пропуск. Бумага ещё хранила тепло крышки пульта, на которой Соня её заполняла. Под крышкой гудели провода.

Мы прошли через двор. У первой канавы рабочие вынимали из земли кусок старого кабеля. Матвей остановился, поднял один конец и подержал, пока мальчик в больших рукавицах подставлял козлы. Я подождала у стены. Из кабеля на камни стекала чёрная вода. По её следу рабочий провёл мелом черту и крикнул напарнику, чтобы тот отодвинул новый провод левее.

— Архивы, — напомнила я, когда Матвей вытер руки.

— Действующие книги у Сони. Те, что уже сдали, в бывшей сушилке. А ещё люди подсовывают старые книги под что-нибудь тяжёлое, чтобы оно стояло ровно. Тогда искать дольше.

Бывшая сушилка оказалась за мастерской. На двери сохранилась круглая решётка. Сверху на крючках висели ремни, на нижних полках лежали книги. Часть поставили корешками к стене. Матвей вынул три, положил на лавку и сверил номера с теми, которые нацарапали на полке.

— Здесь служебные рейсы, — сказал он. — Пассажирские по годам в соседнем шкафу. Оттуда смотреть удобнее, если знаешь конечную. У вас в указателе сколько маршрутов?

— Шесть. Последний перенаправили.

— Начнём с шестого.

Я вынула записку из папки. Нина позволила мне переписать номер и сокращение для депо, но старый указатель остался у неё. Матвей прочёл запись. Указал на первую букву и спросил, точно ли это «Б», а не «В». Я сказала, что смотрела под лампой.

— Тогда это береговая ветка, — сказал он. — По верхней шёл бы другой номер.

Он положил самую широкую книгу на пустой ящик. Я опустилась на лавку рядом и стала читать заголовки. Вначале рейсы шли ровно. Номер вагона, остановки, количество рабочих. По нескольку дней подряд переписывали одну и ту же строку, меняя только фамилию водителя. Потом записи оборвались. На следующем развороте время пошло вперемешку. В первой строке стояло «02:10», под ним «00:45», ещё ниже снова «02:10». Рядом с местом отправления записали расстояние по воде.

— Это не вагонный ход, — сказала я.

— Тогда вагоны ходили до воды. Дальше людей забирали лодки. Вели одной книгой, пока не завели отдельную для пристани.

Я разложила рядом записку Нины. У неё в списке сначала шли учреждения, потом маршруты. Здесь было наоборот. У каждого вагона имелся номер направления, но один и тот же вагон за ночь мог пойти в разные места. Из трёх строк с одинаковым временем две относились к школе и больнице. Третья, перечёркнутая косой чертой, заканчивалась у Берегового пункта. Следующая начиналась там же.

Я провела пальцем от одной до другой.

— Сколько времени нужно, чтобы обернуться?

— Сейчас минут сорок. Тогда, если принимали людей прямо с лодок, могли ждать до утра.

В графе пассажиров стояла цифра «19». Под ней приписали: «без обуви, 7» и «детей, 4». Я перечитала их, потому что привыкла искать возраст и фамилию. Здесь считали, на сколько ног нужно найти сухие ботинки. Имён в этой книге не было.

Матвей повернул страницу. На обороте кто-то оставил карандашную схему. Прямоугольники обозначали здания. Между двумя из них шла линия, которая сначала была сплошной, затем переходила в точки. У одного прямоугольника написали «4», у другого — «навес». Я стала переписывать схему. Матвей придвинул мне кусок картона, чтобы бумага не проваливалась между досками ящика.

— Четвёртый дом можно найти? — спросила я.

— Остался нижний этаж. Сгорело дерево. Стена со стороны реки ещё стоит.

— А навес?

Он провёл пальцем по точкам. Палец остановился у угла, где чернила расплылись от влаги.

— Если это навес, о котором я думаю, сейчас там точат лопаты. Хозяин работает до трёх. Покажу, куда идти.

В дверях сушилки появилась Соня. В одной руке она держала недоеденный кусок хлеба, в другой — лист смен.

— Седых дошёл до кабеля, — сказала она Матвею. — Спрашивает, можно ли закрывать яму.

Матвей спросил, проверили ли тягу после перестановки. Соня сказала, что проверили без нагрузки. Он взял лист, положил рядом с вагонной книгой и написал, на каком переводе ещё раз проверить. Соня не сразу забрала лист. Посмотрела на заголовок раскрытой книги, потом на схему.

— Снова береговую ветку открывают?

— Ищем старую остановку, — сказал Матвей.

— А, — ответила она. — Последнюю?

Матвей поднял голову. Соня уже складывала лист смен. Я спросила, почему она решила, что нужна последняя.

— Здесь у нас спрашивают её раз в несколько лет. То ремонтная бригада, то из фонда. У новой дороги под дамбой другое начало. Пока старые номера не сравнят, идут сюда.

Она ушла. Матвей закрыл книгу не сразу. Сначала вложил тонкую щепку туда, где была схема.

— Из фонда когда приходили? — спросила я.

— Я узнаю у Сони. Она могла иметь в виду замеры, там часто спорят, где начало участка.

Он сказал это, глядя на книгу. Мне не удалось понять, спрашивал ли он об этом прежде. Я попросила не убирать её на верхнюю полку, пока мы не найдём место по схеме. Матвей отнёс книгу к двери и положил на отдельный стул. Сверху положил пустую картонку, чтобы Соне было видно, что книгу ещё читают.

На улице он сначала направился к выходу для служебных вагонов. У сетки остановился и вернулся к проходной. Сторож сидел над кружкой и пытался размочить кусок сахара в остывшем чае. Матвей отдал ему лист с отметкой, что выходит со двора. Сторож прочитал фамилию и открыл калитку.

— Обратно по прежнему пропуску, — сказал он. — До развода второго часа действует.

Матвей достал часы. Я спросила, хватит ли нам времени вернуться.

— До дома четыре восемь минут. Если пойдём до навеса, ещё пять.

Он считал от калитки, как будто дорога начиналась там, где его пропустили.

Мы пошли вниз по краю линии. В одном месте между шпалами росла трава, в другом обрывался водосток. Над старой остановкой висела вывеска с новым названием. Матвей пока-

зал два отверстия по краям. Под ними раньше крепили другую доску, шире. От вывески до стены четвёртого дома было меньше тридцати шагов.

Стена уцелела на высоту двух этажей. Внизу вместо дверей поставили решётку, за которой лежали вязанки реек. На камне у угла шла светлая полоска. Она начиналась у водосточной трубы и пропадала в шве между кирпичами. Я подумала, что там была рама. Матвей приложил ладонь к стене чуть выше полоски.

— Вот где была вода. Тут на несколько пальцев ниже, чем у трамвайного павильона. Павильон потом разобрали.

Я подошла ближе. Ниже линии швы были выедены, выше держались ровно. Я подняла руку. Полоска оказалась выше моей головы. Пока я смотрела, из решётки вылетел воробей и сел на обрыв водостока. Ветка под ним закачалась. За стеной кто-то сложил рейки до самого подоконника, как будто здесь можно было просто отпереть дверь и пристроить ещё одну стопку.

— Откуда знаете про павильон? — спросила я.

— Отец показал. Я думал, он меряет место под крюк. Он поставил меня рядом и сказал, что тогда меня выше этой черты пришлось поднять.

Матвей убрал руку со стены. Я ждала, что он продолжит. Он посмотрел на линию, потом на собственные пальцы.

— Я спросил, куда поднять. Он сказал, в вагон. Вагон стоял на сухих рельсах, а между ним и лодкой была вода. Думал, если не удержит меня, снова вытаскивать придётся.

— Вы это помните?

— Помню, как он показывает. Самого вагона не помню. Ни лодки, ни рук.

На другом берегу прошёл буксир. От него потянулась волна. Она дошла до лестницы под стеной и разбилась о третью ступеньку. Матвей отступил, чтобы брызги не попали на записку, которую я вынула из папки.

— Ваш отец работал здесь? — спросила я.

— В депо. Водил служебные. Потом учил тех, кто пришёл после него.

Он взял у меня лист и повернул так, чтобы линия на схеме шла вдоль настоящих рельсов. Вагон по ней должен был подойти к четвёртому дому с другой стороны. Я отметила поворот. Матвей показал за решётку.

— За стеной были ворота. Там могла стоять машина, если бы подход не размыло. Для тех, кого уже записали, выход был один, для новых другой. Так отец рассказывал.

Я спросила, где держали книги. Он долго складывал мою записку, хотя хватило бы одного сгиба.

— При мне в доме ничего уже не было, — сказал он. — Старые бумаги унесли раньше. От отца помню только, что часть забрали из-за сырости.

Из-за угла донёсся ровный скрежет. Там, где на схеме поставили навес, стояла мастерская с покатой крышей. Дверь подпирала лопата. На пороге сидел человек и затачивал вторую. Матвей окликнул его по имени, спросил, осталась ли за мастерской старая разгрузочная площадка. Человек перестал крутить педаль и показал концом лопаты на проулок.

— Площадка дальше. Здесь они с лодок сходили. Сначала у четвёртого дома принимали. Потом кто-то велел вести последний вагон дальше, к пристани. Вода с этой стороны поднялась ещё до рассвета.

— Кто велел? — спросила я.

Он приложил лопату лезвием к свету и повернул. На стали был один зазубренный угол.

— По фамилиям не помню. Меня мать на навес забрала. Оттуда и видел. Если вам за вещами, спросите в фонде. Отсюда давно всё вывезли.

Я показала ему записанную схему и спросила, можно ли попасть на площадку теперь. Он остановил педаль второй раз. Достал из-под стула коробку с двумя ржавыми петлями и

вынул оттуда старую дощечку. На одной стороне было написано «Выдача», на другой ничего. По краям шли тёмные гвоздевые отверстия.

— Это с ворот четвёртого дома, — сказал он. — Отец снял, когда заколачивали. У навеса тогда висела другая. Та с двумя стрелками. По одной шли те, кого привезли, по другой те, за кем уже пришли.

Он поднёс дощечку к схеме. Я ожидала, что он покажет, где висела, но он прижал ею лист, чтобы не улетел, и начал объяснять, какой стороной входили в пункт. Пока рассказывал, провёл ребром ладони путь через середину листа. С нашей первой попыткой прочитать схему он почти нигде не совпадал. Вода заливала не всю улицу сразу. Если подход становился слишком глубоким, дети ждали у навеса, а записывали их уже на другом берегу проулка.

— Мать помогала считать, — сказал он. — Каждому, кого забирали, давали бумажку. Помню, один мальчик выронил свою и полез под настил. Мать его вытянула за шиворот. Он ей потом говорил, что без бумажки за ним никто не придёт. Она отвела его за руку к тем, кто писал. Я не видел, дали ли ему новую.

Матвей стоял рядом и придерживал коробку с петлями. Одна петля съезжала, и он всякий раз ставил её обратно. Я спросила, где теперь хранятся бумаги, по которым выдавали одежду. Человек покачал головой.

— Выдача была здесь. Писали иногда тут же, если дождь не шёл. Список забирали к вагону. Что делали с ним потом, мать никогда не говорила. Ей бы домой людей отвести. Кому бумага, кому рука. Вода к утру шла через этот порог.

Он взял дощечку и вернул в коробку. Матвей помог ему задвинуть её под стул. Человек посмотрел на него и спросил, служит ли тот ещё в депо. Матвей сказал, что служит. Плечи у него при этом выпрямились, словно вопрос ему задали на проходной.

Он снова нажал на педаль. Мы отошли. Матвей взглянул на часы и сказал, что пора возвращаться. Через проулок мы вышли к другой стороне стены. Оттуда была видна пристань, ниже и дальше, чем казалось на схеме. По мокрому камню можно было дойти пешком. Подъехать вагоном получалось только через развилку у депо.

В проходной сторож уже отодвинул кружку и прилаживал новую защёлку. Старый пропуск Матвея ещё действовал. Моё расписание он перевернул, прочёл имя Сони и пропустил меня следом.

В сушилке книгу никто не тронул. Я открыла её по щепке. Теперь, когда мы увидели обе площадки, точки на схеме стали понятны. Путь к дому шёл прямо. К пристани надо было свернуть на запасную ветку. На одной строке как раз стояла отметка о таком переводе. Рядом кто-то исправил время и записал, что конечную заменили после прибытия воды.

— Это шестой, — сказал Матвей.

Он подал мне книгу ближе. Я прочла номер вагона. Под ним оказалась короткая запись от руки: «Высадка у пристани. Список передать отдельно». Её внесли после того, как основной текст уже высох. Чернила были бледнее, и строка немного съезжала вниз. В конце стояла подпись: «П. Ратников».

Я хотела спросить, он ли это, но Матвей опередил.

— Отец, — сказал он. — У него первая буква всегда с перекладиной ниже.

Он провёл пальцем в воздухе над подписью и сразу убрал руку.

— Когда он поменял конечную, куда потом дели список? — спросила я.

— Если список шёл отдельно, по этой книге дальше не видно.

— Но теперь есть вагон, время и кто расписался. Я могу поднять ведомость разгрузки.

Матвей посмотрел на шкаф с другими книгами. Я заметила, что он смотрит не на те полки, где мы искали. Он повернулся ко мне, спросил, хватит ли для начала номера вагона. Я сказала, что для запроса хватит. Для ответа — как повезёт.

Я потянулась к папке за чистым листом. Мне хотелось снять выписку прямо сейчас, пока запись лежала перед глазами. Матвей достал из шкафа книгу выдачи и открыл на сегодняшней дате. Слева стояло «Кому». Справа — «Куда вынесена». Под заголовком оба места были пусты.

— Книгу надо оставить здесь, — сказал он. — Для выписки нужна подпись Сони. Я могу показать вам страницу, но штамп вам не поставлю.

— Почему?

Он посмотрел на раскрытую книгу выдачи. В ней уже стояли карандашом фамилии тех, кто возьмёт бумаги вечером.

— За утреннюю смену я бы мог. Сегодня я официально во дворе и готовлю инструмент. Если поставлю штамп от мастера смены, получите ещё одну бумагу, которую кто-нибудь потом объявит чужой.

Он сказал это почти без интонации. Я отодвинула чистый лист. До сегодняшнего утра он мог бы подписать выписку, и мне даже не пришлось бы спросить, почему именно он. Теперь пришлось сходить за Соней.

Соня пришла с пульта сама. Прежде чем подписать выписку, она нашла в книге страницу до перенаправления и сверила номер вагона. Попросила меня вписать, что высадка была изменена, а не отменена. Потом спросила, как я буду запрашивать ведомость.

— По времени и пристани, — сказала я.

— Напишите ещё, кто вёл вагон. Если по времени не найдут, имя бывает в отдельной строке.

Я показала ей подпись Павла. Соня посмотрела на Матвея, но спросила меня, не ошиблась ли я в букве. Я сравнила две соседние подписи. Матвей не стал вмешиваться. Только когда Соня прочла имя целиком и поставила печать на выписке, он опустил руку, которую всё это время держал на краю книги.

Снаружи кто-то позвал его проверить инструмент. Он встал, снял со стула картонку и написал на ней номер страницы. Книгу мы оставили открытой на полке. Я ещё раз переписала строку отца, на этот раз вместе со временем и направлением.

Я задержалась у Сони, чтобы спросить, может ли она найти запросы фонда за последние годы. Она открыла ящик и показала пачку, перевязанную шнурком. Часть листков хранили по дате, часть подшивали к тем книгам, которые выдавали. Сегодня она могла дать мне только посмотреть на обложку. Чтобы разбирать заявки по чужим подписям, ей нужно было закончить смену. Я попросила ничего пока не снимать со шнурка. Соня убрала пачку глубже в ящик и записала мой запрос на обороте расписания, с которого делала пропуск. В следующий раз я смогу спросить её, кто приходил сюда до меня.

Когда Матвей ушёл во двор, я посмотрела на схему. У четвёртого дома стояла простая цифра. От пристани теперь тянулась другая цепочка: вагон, подпись Павла и список, который отправили отдельно. Я положила копию в папку рядом с бланком совместного заявления. На бланке Матвей оставил время окончания смены. Подпись, которая понадобилась мне сегодня, стояла в другом месте и была поставлена человеком, который когда-то принёс его домой.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.